

Е. О. ОБИЧКИНА

**Внешняя политика Франции
от де Голля до Саркози (1940–2012)**

<Фрагменты>

<...>

<...> Франция, столицей которой после перемирия стал небольшой курортный город Виши, признала свое поражение и подчинилась оккупационному режиму, навязанному нацистской Германией. Тем самым «она расписалась в том, что больше не является великой державой»*, в чем были уверены практически все политики Европы и мира, но этого не захотел принять человек, который тогда пребывал в ранге заместителя государственного секретаря правительства Поля Рейно, — генерал Шарль де Голль. Неприятие поражения, оккупации и коллаборационизма стало стержнем, позволившим Франции прийти к маю 1945 г. в ранге державы-победительницы.

<...>

Решающий день, определивший судьбу Третьей республики во Франции, — 16 июня 1940 г. Неотвратимость катастрофы стала очевидной, когда председатель кабинета министров П. Рейно получил послание президента США Ф. Рузвельта, в котором тот заверял Францию «в своей величайшей симпатии», но развенчивал надежды Рейно на то, что США немедленно вступят в войну против Гитлера. Тогда же Рузвельт настойчиво требовал от французского посла де Сен-Кантена, чтобы Франция продолжала борьбу в Северной Африке.

Главной заботой британских союзников в эти часы была срочная эвакуация французских флота и авиации, чтобы они не достались Гитлеру. <...>

* Histoire de la diplomatie française. Paris, 2005. P. 795.

Содержание британских нот от 16 июня указывало альтернативный путь, на который союзники встали уже после французской капитуляции. Парадоксальным образом он совпадал с планами маршала Петена, которому в тот же день были переданы правительственные полномочия. И Петен, и англо-американцы действовали в тот момент в одной и той же логике традиционной дипломатии. По этой логике стоило принять как неизбежность перемирие с немцами, но не отдавать им французский флот и колонии, чтобы в дальнейшем, используя французскую колониальную армию, продолжить борьбу с Германией в Северной Африке, а оттуда — освобождение континентальной Европы. В 1942 г. этот план начал реализовываться в сотрудничестве с вишистским адмиралом Дарланом, но его нарушило вмешательство де Голля, за которым стояла другая — «Сражающаяся Франция», не признавшая поражения и не сложившая оружия.

<...>

В дипломатии Временного правительства, как и внутри ФКНО, к которому присоединились многие дипломаты, служившие вишистскому режиму, сформировались три течения, ориентация которых соответствовала их видению будущего Франции и Европы после освобождения от оккупации. Первое — пробританское — было представлено Рене Массильи, видным дипломатом Третьей республики, который с 1943 г. в Лондоне занимал пост комиссара по иностранным делам в «Сражающейся Франции», а затем тот же пост в ФКНО. За ним стояли умеренные карьерные дипломаты, постепенно переходившие от Петена к де Голлю после оккупации немцами территории «свободной зоны» Франции. Эти люди хотели вернуться к англо-французскому союзу начала войны и, поскольку невозможно было игнорировать роль СССР в победе над Гитлером, подчинить франко-советские отношения реализации французских интересов, ни в коем случае не допуская советского влияния на внутреннюю политику страны.

Противоположную позицию занимали люди вроде Мориса Дежана, отвечавшего в ФКНО за отношения с союзниками и предшественника Массильи на посту комиссара по международным делам. Дежан считал, что основой будущего международного статуса Франции могут стать только привилегированные отношения с СССР, потому что именно Россия могла обеспечить безопасность Франции. Убеждения Дежана были характерны для умонастроений, царивших в «Свободной Франции». Мечтая о будущем

послевоенной Европы, они думали о необходимости расстаться с индивидуалистическими ценностями англо-саксонского либерализма, поскольку не они, а ценности левых — бескорыстный дух товарищества, военного братства и самопожертвования — помогали выдержать в смертельной борьбе с врагом. Как и Дежан, бойцы Сопротивления считали, что безопасность Франции и Европы должна базироваться на мощном франко-советском союзе — «окружении» Германии, определенном сообщничестве Парижа и Москвы, противостоящем, но не враждебном англо-американцам, поскольку те были склонны к изоляционизму и опасным иллюзиям в отношении Германии.

Третье течение порывало с традиционным представлением о Европе держав и о союзах между ними в качестве мультипликатора французского могущества. Воображение его сторонников, извлекая уроки из краха европейской системы безопасности 1920–1930-х годов, обращалось к планам создания Соединенных Штатов Европы. Хотя некоторые европейцы левого лагеря допускали мысль об участии в Соединенной Европе Советского Союза, большинство склонялось к строительству федеративной Европы небольших государств без СССР, но в которой Франция была бы отведена господствующая роль, достойная ее положения крупнейшей континентальной державы. Такого было мнение видного деятеля Сопротивления, основателя группы «Комба» и комиссара ФКНО Анри Френея¹. Другой комиссар, Жан Моннэ, считал необходимым тесный союз этой объединенной Европы с США, особенно в экономической области.

Де Голль синтезировал идеи трех течений в циркуляре, направленном представителям «Свободной Франции» 30 октября 1943 г. Предложенную конструкцию он назвал «три этажа безопасности». Первый был основан на франко-советском союзе. Чтобы французские интересы в Восточной Европе не сталкивались с советскими, де Голль считал возможным ограничить там дипломатическую деятельность Франции культурными и экономическими связями, отказавшись от строительства военно-политических союзов. Второй «этаж» предполагал существование франко-британского союза, а еще лучше — треугольника, вершинами которого являлись бы двусторонние франко-советский, франко-британский и советско-британский союзы. Третий «этаж» предусматривал поддержание дружбы с США, сотрудничество в рамках будущей международной организации безопасности,

но без заключения какого-либо союзнического договора. Германия должна была быть полностью разоружена. От нее следовало отторгнуть Австрию, Восточную Пруссию, рейнские земли. Де Голль считал, что Германия способна быстро восстановить свой потенциал, поэтому следовало противопоставить ей западноевропейскую федерацию, составленную из Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Рейнской области, Рура, а также, возможно, Великобритании и Италии.

<...>

Для де Голля особые отношения с СССР при всей его антипатии к коммунизму были в тех условиях залогом независимости Франции и возможной гарантией от повторения горьких уроков Первой мировой, когда англо-американские союзники помешали Франции воспользоваться плодами победы над Германией. Де Голль не забыл, что именно Москва «проявила настоящую широту» при признании ФКНО — прообраза Временного правительства.

План де Голля — Бидо состоял в том, чтобы Франция играла роль арбитра между западными и восточными союзниками, которые никогда не переставали быть соперниками. ВПРФ стремилось заключить симметричные военные союзы с Великобританией и Россией (поскольку де Голль избегал упоминания об СССР) и оставить США вне европейской системы союзов. Эти идеи были изложены Бидо 21 ноября 1944 г. одновременно с заявлением о предстоящем визите в Москву <...>.

Французская делегация во главе с де Голлем, которого сопровождали Бидо и генерал Жуэн, следовала через Каир и Тегеран и пересекла СССР с юга на север. Ее радушно встречал Сталин, который просил де Голля позволить беспрепятственно вернуться во Францию генеральному секретарю ФКП М. Торезу, прошедшему военные годы в Москве и Куйбышеве. Де Голль обещал амнистировать Тореза: того могли считать дезертиром, поскольку в 1939 г. он уехал из Франции, хотя подлежал призыву в армию. «Не обижайте Тореза. Он хороший француз», — будто бы сказал Сталин. В обмен де Голль получил заверения в том, что ФКП — первая партия Сопротивления и серьезная военная сила — не станет выступать против его правительства. Одна из главных целей французской делегации была достигнута.

В то же время де Голлю не удалось добиться от Сталина поддержки плана отторжения от Германии Рура и Рейнской области.

Несмотря на то что переговоры (2–9 декабря) осложнялись разногласиями по польской и германской проблемам, визит увенчался заключением франко-советского договора о союзе сроком на 20 лет. Так же как англо-советский союзный договор 1942 г., он был направлен исключительно против Германии. Стороны обязались не участвовать в союзах и коалициях, направленных против одной из них (ст. 5), вести войну с Германией до победного конца (ст. 1), оказывать друг другу немедленную военную помощь в случае немецкой агрессии против одной из договаривающихся держав, в том числе и превентивную (с. 3), а также оказывать друг другу экономическое содействие.

Вопреки ожиданиям де Голля союзнический пакт с СССР мало способствовал восстановлению международного ранга Франции в рамках антигитлеровской коалиции. Не столько Сталин, сколько Черчилль вступался за французские интересы в последний год войны, в Ялте и Потсдаме, на конференциях союзников, на которые Франция так и не была приглашена. Зато этот договор вызвал беспокойство англо-американских союзников, тем более что де Голль ставил условием подписания аналогичного франко-британского пакта предварительное устранение взаимных разногласий, особенно острый на Ближнем Востоке.

<...>

